

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 134–148, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22 (=512.157)

К вопросу семантической интерпретации эпической формулы «үс саха, түөрт саха»

*Сатанар Марианна Тимофеевна*¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Научно-исследовательский институт Олонхо (д. 42, ул. Кулаковского, г. Якутск 677000, Российская Федерация)
 заведующий сектором «Олонхо и эпосы народов мира»
 ORCID: 0000-0002-3546-7343. E-mail: satanar68@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В мифопоэтических текстах олонхо, изобилующих метафоризмом и синкретизмом, глубинные семантические структуры на сегодняшний день продолжают оставаться малоизученными. В статье предпринимается попытка рассмотрения и анализа информационной структуры постоянной эпической формулы *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* ('букв. когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились') в ракурсе мифологического мирозерцания с учетом этнических особенностей мышления, которая не была еще специальным полем исследований. *Цель:* выявить и описать метаязык эпической формулы *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* ('букв. когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились'). *Методы.* Междисциплинарный подход обеспечивает приоритет принципа системности. Для достижения цели исследования привлечены методы обзора, сравнения, герменевтики, экстраполяции, структурно-семантического анализа. Использование в реконструкции метаязыка исследуемой формулы метода эмпатии, основанного на идее *сахалы толкуй* ('букв. якутское мышление или толкование'), позволяет увидеть взгляд и оценку концепта изнутри, что безусловно отражает суть этики исследования. *Результаты.* Устойчивость термина «саха», аргументируемая обзором исторических материалов разных эпох и подтверждаемая внутренними законами языка, дает некий фундамент для препарирования его смысла. Подход для определения архаического значения «саха» опирается на особенности мифологического мировоззрения, строящегося по принципам мифологического мышления. В ходе поэтапного исследования выявлено, что закодированное в слове «саха» сведение репрезентируется как «мыслящее живое существо», следовательно, «человек», а заархивированная внутренняя организация структуры эпической формулы *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* передает сообщение «когда человек-мужчина и человек-женщина еще не родились» (условно: «когда все человечество еще не появилось»), содержащее отголоски древних мировоззренческих установок. Автором статьи, без вступления в противоречие с концепцией многокомпонентности этноса *саха*, выдвигается гипотеза фиксирования центрального элемента — общей подпочвы общности «саха», открывающей новые возможности понимания периферийных ветвей происхождения многих этнонимов.

Ключевые слова: олонхо, саха, эпическая формула, метаязык, семантическая структура, число, мифологическое мышление, этноним

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения»

Для цитирования: Сатанар М. Т. К вопросу семантической интерпретации эпической формулы «үс саха, түөрт саха». *Oriental Studies*. 2019;(1):134-148. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148

UDC 398.22 (=512.157)

The Epic Formula ‘*Üs Sakha, Tüört Sakha*’: Semantic Interpretation Revisited

Marianna T. Satanar¹

¹ Ammosov North-Eastern Federal University, Olonkho Research Institute (42, Kulakovski Str., Yakutsk 677000, Russian Federation)

Head of Sector for Olonkho and World Epic Studies

ORCID: 0000-0002-3546-7343. E-mail:satanar68@mail.ru

Abstract. In the Yakut mythological system, associative thinking prevails which forms a basis for the formation of more ordered and holistic representations. In the worldview of ancestors, the awareness of the world in integrity and unity is depicted through imaginative systems built on the basis of similarities and analogies with concepts of the animal and plant worlds. It is important that in this context of ethnic awareness, the definition and position of the person in the universe also occurs. The analyzed epic formula ‘*үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ*’ / ‘*üs sakha üösküü iligine, tüört sakha törüü iligine*’ (liter. ‘when the three Yakuts were not yet born, and the four Yakuts have not yet appeared’) in the Yakut tradition is not only sustainable but is also a universal element that transforms to penetrate into other genres and literature. The problem of understanding folklore texts — indivisibly connected to language semantics — on the basis of which cultural meanings are built still remains a most understudied topic in folklore studies. The structure and nature of information systems preserved and brought till nowadays by epic formulas have not been studied enough. The work aims to identify and describe the deep semantic structures of the epic formula ‘*üs sakha üösküü iligine, tüört sakha törüü iligine*’. The research approach is determined, firstly, by the mythological attitudes of primitive consciousness, and, secondly, by ethnic peculiarities of thinking. To achieve the goal of the study, methods of review, comparison, hermeneutics, extrapolation, and structural semantic analysis are involved. The use of the method of empathy based on the idea of ‘Yakut thinking or interpretation’ in the reconstruction of the meta-language of the studied formula makes it possible to view and evaluate the concept from inside, which certainly reflects the essence of research ethics. During the stage-by-stage analysis the study reveals that the stability of the term ‘*Sakha*’ supported by the review of historical materials of different eras and confirmed by the internal laws of the language is essentially archaic. The information encoded in the word ‘*Sakha*’ is represented as ‘*санаалаах харамай*’ / ‘*sanaalaakh kharamai*’ which means ‘a thinking living creature’, i.e., ‘person’. The root of the name *kharamai* ‘khara’ attracts special attention since the semantic meaning of the former in ancient and modern Turkic, Mongolian, Tungus-Manchurian languages is interpreted as ‘person’. The archived internal organization of the structure of the epic formula ‘*üs sakha üösküü iligine, tüört sakha törüü iligine*’ conveys the message ‘when person-man and person-woman were not yet born’ (‘when all mankind had not yet appeared’), containing echoes of ancient worldviews. The article — without coming into conflict with the concept of the multi-component Sakha ethnos — puts forward the hypothesis of fixing the central element, i.e., a common core ethnic substrate of the Sakha community which offers new opportunities for understanding the peripheral branches of origins of many ethnonyms. Such a positioning of the expressive content of the meta-language of the formula refers to the idea of reassessing mythological representations that occur in the depths of the *Olonkho*. The conclusion deals with times when not only one ethnos but the whole of humanity had been endowed with the name *Sakha*, which is the key one, and this thesis can serve as a starting research point in various areas in future.

Keywords: Olonkho, Sakha, epic formula, meta-language, semantic structure, number, mythological thinking, ethnonym

Acknowledgements: The article was prepared within the government assignment (project XII.192.1.4. 'Myth and History in Folklore and Literature of the Buryats and Ethnic Russian Residents of Siberia: Common and Specific Features'. Reg. No. AAAA-A17-117021310268-2).

For citation: Satanar M. The Epic Formula 'Üs Sakha, Tüört Sakha': Semantic Interpretation Revisited. *Oriental Studies*. 2019;(1):134-148. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148

Богатый метафорический язык древнего *олонхо* — это сложенная структурная и лексико-семантическая система, где нет ничего лишнего и случайного. Известно, что в языке фольклорных текстов наблюдается обильное употребление стереотипных, типовых формульных элементов [Слепцов 1990: 209].

В этих устойчивых элементах текста — формульных конструкциях, представляющих собой структурно-семантические единицы, спрессована многовековая память народа в виде сакральной информации, внутренняя организация которой подлежит расшифровке. Ключевые слова ёмки, и благодаря этому эпическая формула предстает как мощное средство компрессии сообщения. Заметим, что в якутской фольклористике эти компактные информационные структуры, транслирующие важные сообщения, продолжают оставаться малоизученными.

Между тем исследователи отмечают, что семантическая особенность слова в текстах эпических произведений должна пониматься следующим образом: лексическое толкование слова есть внешний слой, и слово должно восприниматься как ярлык некоторого сообщения, представляющего собой суть более высокого уровня [Цивьян 1975: 209].

При этом нельзя игнорировать то, что этот семантический язык, или метаязык, определяющий глубинные смысловые структуры текста, связан с первобытной логикой, основанной на синкретическом, целостном чувственном мировосприятии.

Данный вопрос был полем изучения многих ученых. Отправной точкой настоящей работы служат: концепция синтеза наук В. С. Степина; теоретические разработки структурализма К. Леви-Стросса;

семантика алгебраической символики в мифах В. В. Иванова [Иванов 1978] и В. Н. Топорова [Топоров 1980]. Исследование опирается на символическом подходе к языку и мифу В. Я. Проппа, где символы порождают в свою очередь поэтические тропы, в отношении изучения которых еще Е. М. Мелетинским подмечено, что они «никоим образом не должны рассматриваться в качестве простых „украшений“ поэтической речи» [Мелетинский 1976: 123]; на культурную семантику устной коллективной памяти, где язык указывается Ю. М. Лотманом в качестве мощного источника структурности — того организующего центра, откуда берет начало семиотический язык культуры [Лотман 2000: 254].

При изучении *олонхо* своеобразными ориентирами являются исследования по семантической структуре космогонических воззрений: С. К. Колодезникова [Колодезников 1991], А. И. Гоголева [Гоголев 2002], Р. И. Бравиной [Бравина 2005], Л. Л. Габышевой [Габышева 1988], Е. И. Избековой [Избекова 2014], А. С. Поповой [Попова 1996] и др.

Итак, нас интересует не узко лексическое значение слова эпической формулы, а его «двойная природа», где слово репрезентируется как закодированное сообщение, характеризующееся своей внутренней структурой.

Эпическая формула *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* 'когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились' [Тимофеев-Теплоухов 2014: 8; 286], представляя собой основную идею мифологического эпоса, обращенную к «первоначальным временам», привлекает к себе внимание не только как элемент, повторяющийся в различных текстах с особым постоянством, но и встречающийся-

ся в других жанрах устной коллективной памяти, литературе, а также способностью трансформироваться в семиотические функции ритуалов, поверий и т. д. Здесь уместно вспомнить мысль А. А. Потебни: «под термином „мифология“ в контексте истории мифического мирозерцания стоит понимать не только мифологический рассказ, но и действия (обычаи, обряды) и вещи» [Потебня 1976: 20]. Речь идет о важной закономерности, где различные виды культурных памятников могут шифровать одно и то же сообщение с одним мифологическим содержанием, представленным в трудах П. Г. Богатырева [Богатырев 1971], В. В. Иванова [Иванов 1998], В. Н. Топорова [Топоров 1991], Б. Н. Путилова [Путилов 1994], Ю. М. Лотмана [Лотман 2000].

В данной статье представляем анализ вышеизложенной эпической формулы, не становившейся еще предметом специального исследования, но заслуживающей пристального внимания. Лишь в незначительной мере она упомянута в научных материалах. Из наиболее ранних источников, где зафиксирована часть словосочетания, это второй том словаря Э. К. Пекарского, датированный 1895 г. Указанная часть формулы представлена в качестве одного из примеров к основному слову «саха» — *ус саха куолута* и выделена автором как «старинное выражение», переведенное как «повсеместный обычай» [Пекарский 1959, 2: 2135].

В 3-м томе словаря при переводе слова *ус* 'три', сопровождающегося несколькими примерами, находим *ус саха тыла оннук, ус дойду барыта билэр* 'все знают, все так думают', что дополнено редактированием В. М. Ионина как «слова трех якутов таковы, все три страны знают» [Пекарский 1959, 3: 3184].

В «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова (1893 г.) приводятся омонимы слов *ус* и *уч* (забытые, устаревшие), где в одной из версий значение *уч* интерпретируется как «кровное родство» [Иванов 1998: 90].

Исходя из этих данных, в научном обороте доминирует трактовка *ус саха, түүрт саха* 'три якута, четыре якута' как обозначение не реального количества, а общего понятия множественности. Так, в своих топонимических исследованиях М. С. Иванов выделяет, что *ус саха дэнэрбит адьас хааммытыгар баар суол быһыылаах* «видимо, самоназвание *ус саха* „три якута“ у нас

в крови» (перевод автора. — М. С.), далее отмечая *Ус Булуу — Булуу бүтүннүүтэ, ус саха — саха омузун бүтүннүүтэ* 'Три Вилюя — весь Вилюй, три якута — весь якутский народ' (перевод автора. — М. С.) [Иванов 1998: 88].

К такому выводу исследователь приходит на основании интерпретации словосочетания *ус курыканнар* 'три курыкана' как «союз трех племен». Версия о «союзе трех племен» опирается на одну из семи предпосылок происхождения названий отцовских родов — на количество племен, входящих в конфедерацию, впоследствии ставшую этнонимом, выдвинутым П. Будбергом [Boodberg 1936: 30]. Последний занимался вопросами этнонимообразования названий отцовских родов древних монголов [Зуев 1970: 75].

Е. С. Сидоров в статье «Из символики чисел» отмечает числительное три в трактовке «все», откуда *ус саха* 'три якута' интерпретирует как «все якуты» [Сидоров 2004: 38].

Аналогично суждение Л. Л. Габышевой, что использование слова *ус* 'три' в словосочетании *ус саха* означает «много», «все» [Габышева 1988: 37], такой же позиции придерживается и Е. И. Избекова, исследовавшая числительные *олонхо* в культурно-этнографическом контексте [Избекова 2014: 47].

Следует подчеркнуть, что в научной литературе обращение к эпитетному двучлену *ус саха* доминирует над *түүрт саха*. Частично эта проблема затронута в монографии Е. И. Избековой, где автор акцентирует свое внимание на органичном слиянии числительного «три» с существительным *саха*, на использовании данного словосочетания в смысле «весь народ» и «все человечество», указывая на фиксирование во многих текстах [Избекова 2014: 126]. Предпочтение в пользу числительного *ус* 'три' диагностично, и оно более подробно рассмотрено в предыдущей статье автора [Сатанар, Илларионов 2017].

В структуре и сюжетном построении *олонхо* подвергаемая анализу формула наблюдается в самом начале — традиционном описании стародавней картины мира, когда начинает разворачиваться зачин повествования с упорядоченной точки отсчета эпического первоначального времени: *Былыргы дьыл быдан мындаатыгар, урукку дьыл кулан уорбатыгар, түүрт саха төрүү илигинэ, ус саха үөскүү илигинэ...* [Тимофе-

ев-Теплоухов 2014: 8], т. е. ‘Давным-давно, в те далекие времена, когда четыре якута и три якута еще не появились на свет...’ (перевод автора. — М. С.), где, согласно В. Н. Топорову, в архаичном представлении предков наблюдается очень тесное и органичное соотношение пространства и времени [Топоров 2010:15].

Посредством своеобразного описания эпического времени далее развиваются эпические события, с помощью которых осмысливается и эпическое пространство, — начинает вырисовываться облик, родная земля, дом-усадыба богатыря. Также исследуемая эпическая формула обычно используется сказителями и в конце *олонхо*, в традиционном описании *уруу* — свадьбы богатыря, сопровождающейся *алгыс* — благословением для счастливой и богатой жизни молодых.

Приведем отрывок из того же *олонхо*: *Көмүс түөстээх күүрэгэйдэрбит! Төрүүр оҕоһутун уйалаан, иитэр сүөһүгүтүн күүрүөлээн, торбо дьирим түптэбитин күүдүтүн, тобус хараҕалаах тобой сэлэбитин тэнитин, туорах кулунгутун кэккэлэтин! Түөрт саханы төрөтүн, үс саханы үөскэтин!* [Тимофеев-Теплоухов 2014: 283], где высшая степень благопожелания-напутствия сосредотачивается во фразе «народите четырех якутов, произведите на свет трех якутов!» [Тимофеев-Теплоухов 2014: 541].

Исследователи отмечают, что архаический текст *олонхо* богат метафорическим содержанием, иносказательностью, в связи с чем актуализируется герменевтический момент его изучения. По проблеме понимания текста А. А. Потебня логично рассуждает, что фольклорный текст состоит из двух частей. Первую часть он называет подлежащим (то, что подлежит объяснению), что словами не высказывается. Вторая часть есть объясняющая первую, называемая текстом, т. е. данная прямо в материальной форме — «сказуемое» [Потебня 1930: 42–43].

В ракурсе текстов якутского *олонхо* Л. Л. Габышева справедливо отмечает устойчивость и консервативность текстов *олонхо*, наличие в них древних сведений эзотерического характера, под воздействием которых текст оценивается как важный источник в пользу исследований этногенеза. Эпическая формула предстает перед исследователем как «зашифрованное» сообщение, посланное из глубины веков [Габышева 2009: 81].

Прежде всего заметим, что исследуемой формуле присущи и поверхностный, и глубинный уровни осмысления. Лежащая на поверхности информация сразу отсылает нас к идее далекого мифического времени, когда срединная земля еще не была заселена *сах*. Внимания заслуживает глубинное осмысление формулы, точнее вопрос: какова информативная насыщенность семантической структуры исследуемой эпической формулы?

Выделим в формуле основные семантически нагруженные слова, это словосочетание *үс саха, түөрт саха* ‘три якута, четыре якута’ в виде сочетания числительных с существительным. Известно, что в текстах архаических эпосов эпическим числительным свойственна сакральная символика. В исследуемой формуле числовыми символами наделяется слово *сах*, потому уместно вначале обратить внимание именно на этот термин. Нас интересует семантическая структура компонента *сах*, а именно какую внутреннюю, «свернутую», информацию несет в себе это слово?

Вопрос будет проработан с желаемой нами полнотой и ясностью в том случае, если вначале определим, насколько устойчиво слово *сах* (в качестве фундамента предмета исследования) по отношению к меняющимся историческим условиям. В фундаментальном труде Г. В. Ксенофонта, где автором мобилизован обширный материал устной летописи народа (1937 г.) отмечено, что с горизонта исторического времени ученого, термин *сах* стабильно употреблялся в живой народной, обывательской речи, устойчиво доминируя в народном сознании [Ксенофонт 1992, (а): 67].

Констатация данного факта наблюдается и в наши дни. Напомним, что сто лет тому назад в народе весьма активно функционировала историческая память. Содержалась она в самом языке, легендах, былинах, различных жанрах фольклора, где народная память сохранила глубокие пласты не только понятий и представлений предков, но и историческое самосознание. В ракурсе темы нашего исследования, не затрагивая спорную проблему происхождения якутов, подчеркнем, что при внимательном обзоре исторического материала о якутах с XVII в., начиная с записей И. Идеса, Ф. Страленберга, Г. Миллера, И. Фишера, скрупулезно собранных Г. В. Ксенофонтовым, через всю цепь фактических данных красной нитью

проходит мысль о стабильном и устойчивом присутствии термина *саха* [Ксенофонов 1992а: 24–66].

Еще в начале XX в. лингвист Н. Н. Поппе, специалист по сравнительному алтайскому языкознанию, высказал точку зрения, что язык якутский выделяется одиночным и изолированным положением в своем историческом развитии, что в свою очередь отсылает к гипотезе об очень древнем отделении якутов от турецких племен. При этом автор конкретизирует, что чрезвычайно архаическим является именно характерное своеобразие этого языка [Поппе 1926: 5].

О. Н. Бётлингк в своем классическом труде «О языке якутов» (1851 г.) выделяет якутский язык как древнейший среди тюркских [Бётлингк 1990: 415].

Весьма весомым является и заключение Г. В. Ксенофонтова, отличающееся критическим изучением исторических документов, относящихся к данной проблеме: древность якутского языка подтверждается выводами всех крупных лингвистов, кроме В. В. Радлова [Ксенофонов 1992а: 149]. На счет исключительной позиции последнего Г. В. Ксенофонов дает исчерпывающее объяснение, ссылаясь на видения академика с горизонта одной отрасли специального знания [Ксенофонов 1992а: 150].

Мы солидарны с тезисом Г. В. Ксенофонтова об «узком подходе» в доводах В. В. Радлова и дополним его тем, что в современной науке, когда систематизируется информация об этногенезе *саха* с помощью комплексных мультидисциплинарных методов, ряды ученых различных областей (генетики, климатологи, археологи, языковеды и т. д.) — сторонников наличия у *саха* древних реликтовых знаний, пополняются. И язык, хранящий в себе молчаливое знание об архаических элементах мировоззрения, сегодня становится благодатным полем исследований.

Не менее ценны для нас замечания В. Л. Серошевского, датируемые концом XIX в., где указывается прочность и стойкость «с» в термине *саха*, невозможность исчезновения «с» в говорах и выражениях, отсюда и невозможность трансформации в «х», на основе которых ученый советует крайне осторожно анализировать сближения типа *јаһа, аһа, һаһа, джяха* [Серошевский 1993: 196].

Таким образом, обобщим: в виду того, что, во-первых, основа языка отсоедини-

лась от тюркского ядра в древние времена и функционировала обособленно и самостоятельно; во-вторых, на основании действия закона экономии речеслуховых усилий (связанных с универсальными понятиями психолингвистических механизмов), где работает принцип «чем короче слово, тем оно менее подвержено эволюционному развитию»; в третьих, в силу констатации статического поведения исследуемого термина в употребляемой живой речи и, наконец, в четвертых, на базе устойчивого присутствия термина «саха» в структуре древних мифологических версий якутов — можно заключить, что термин «саха» носит реликтовый характер.

Необходимо подчеркнуть, что этнолог-сибиревед Г. В. Ксенофонов, выдающийся исследователь древней истории своего народа, анализирувавший на основе полного привлечения всех теорий происхождения самоназвания *саха* с высоты науки своего времени, все-таки был склонен выдвигать свою версию, базирующуюся на мифологических воззрениях. Им была выдвинута версия происхождения самоназвания *саха* от древнего мифологического названия божества *Сах*, олицетворяющего Солнце, а якуты, как известно, солнцепоклонники, — следовательно, *саха* логично понимается как люди *Сах'а* [Ксенофонов 1992б: 246]. Нам импонирует применение Г. Ф. Ксенофоновым метода эмпатии, необходимость использования которого регулярно упоминается в «Научных трудах» А. Е. Кулаковского [Кулаковский 1979: 7–8]. Ссылаясь на общепризнанность авторитета Г. В. Ксенофонтова, в предлагаемой работе мы придерживаемся тех же принципов.

Теперь к месту остановиться на некоторых моментах особенностей национального мышления. В первом источнике на якутском языке, написанном А. Я. Уваровским и вышедшем в свет в 1848 г., обращает на себя внимание следующая запись: *Сахалар киһини кытта кэпсэтээт сотору билэллэр бу кэпсэппит киһилэрин санаатын..., тыл маннайгы олобуттан кэпсэтиллиэх суолу тоһуйа таайаллар* [Уваровский 1992: 38] ‘Заговорив с человеком, якуты вскоре улавливают мысли собеседника ..., уже с первой основы слова они угадывают то, о чём пойдет речь’ (перевод автора. — М. С.).

Не менее содержательным представляется откровение А. Е. Кулаковского. Пре-

красный знаток языка был убежден, что гибкий, образный и меткий язык якутов совершенен по части описательности — при обрисовке в пределах собственно одного слова умещаются одновременно образы нескольких признаков предмета, а порой и выражение целого картинного ряда представлений. При этом поразительным и непонятным он находил именно мгновенное схватывание слушателями смысла сказанного слова [Кулаковский 1979: 386], указывая условие овладения таким явлением: «чтобы постичь смысл слов, нужно слуху привыкать к ним с детства» [Кулаковский 1979: 387].

В свете подобных рассуждений становится понятной актуальность методов эмпатии и интроспекции в исследованиях в целом. Приведем еще одно интересное высказывание из статьи «Якутская письменность» А. И. Софронова (Алампа), датированное 1922 г.: *Көнүлү биэрдэххэ, аабааччы норуот, тыл иһиттэн тыл булан толкуйдаан табааран сэргэбилиир буоллабына, саха үөрэбэ ордук сайдыах-кэниэх тустаах* [Софронов 2005: 299] «Если дать волю и если народ, овладевший грамотой, с интересом истолковывал бы слова, выводя из одного слова другое, вот тогда-то якутское просвещение развивалось бы и расширялось» (перевод автора. — М. С.).

В этих высказываниях представителей якутской интеллигенции нельзя не усмотреть общий контекст толкований, восходящий к идеям структуралистского подхода К. Леви-Стросса, с выраженной этнокультурной концепцией К. Г. Юнга.

Структурная модель может стать инструментом анализа, о котором писал Е. М. Мелетинский [Мелетинский 1976: 76]. Исследователи отмечают, что структуральный подход адекватно применим к понятиям, устойчивым во времени.

С учетом характерных национальных особенностей языка, самобытных ментальных операций со структурой слова, отчасти демонстрируемых в цитатах выше, дефиниция внутренних элементов структуры концепта *саха* отражает две ядерные семы, и семантический метаязык его — *санаалаах харамай* (букв. ‘живое существо с мыслью’) либо «мыслящее живое существо» (перевод автора. — М. С.).

Относительно первой составляющей структуры, образная ассоциация *санаалаах*

‘с мыслями’ идентична вариантам «с думами», «с помыслами». В словаре Э. К. Пекарского *санаалаах* означает ‘имеющий намерение, умысел’, ‘имеющий мысль, мнение, взгляд’, ‘думный, умный, смысленный, рассудительный’, ‘думающий, задумчивый’ [Пекарский 1959, 2: 2071–2072].

В большом толковом словаре якутского языка развернутое толкование значения слова *санаа* дается в вариантах: *киһи өйүн үлэтэ, өйө* ‘мышление, мысль, дума, память, ум’, *киһи туох эмит туһунан өйдөбүлэ, өйүнэн быһаарыыта* ‘понятие, представление о чем-либо, размышление, мысль, убеждение, взгляды’, *киһи өйүнэн-дууһатынан туохха эмит баҕата, ону тэнэ тугу эмэ онгорорго туох эмэ өйү булунуута* ‘стремление человека в мыслях к осуществлению чего-либо, желание, намерение’ [ТСЯЯ 2011: 214–215].

Что касается второй составляющей структуры, то Э. К. Пекарским интерпретировано, что *хамныыр харамай* означает ‘все движущееся’, *тыыннаах харамайбуолар* означает ‘жизнь’, *тыыннаах харамай гынааччы* — ‘животворящий’ [Пекарский 1959, 3: 3338], на основании этого полагаем, что слово *харамай* в архаическом виде означало ‘живность’. Такая трактовка отсутствует в современных толковых словарях якутского языка.

Мировоззренческая установка структуры концепта *саха* — *санаалаах харамай* ‘мыслящее живое существо’ объясняется тем, что мифологическое сознание отождествляло людей с животными, насекомыми, деревьями, т. е. со всей живностью. Показательны примеры с аналогичной логикой. В трудах фольклориста М. И. Шахновича (научный интерес — мифологическое мышление) находим, что для предков северо-американских индейцев природные объекты (растительный мир, Солнце, Луна и т. д.) отождествлялись с людьми, также бытовало представление, что и в животном, и в растительном мире объекты могли разговаривать между собой [Шахнович 1971: 88].

Или: некоторые племена Африки буквально становились в тупик, не понимая разницы между человеком и буйволом, будучи убежденными в умении буйволов стрелять из лука точно так же, как человек [Шахнович 1971: 32]. Таково было синкретическое древнее сознание. Подтверждением данной установки служит дальнейшее

пронизывание идеей первостепенности осознания процесса мышления через весь структурный строй *олонхо*.

При разборе отношений, входящих в концепт *сах* — *санаалаах харамай* элементов, качественно информативным семантическим потенциалом обладает прилагательное *санаалаах* ‘мыслящее’. Лишь человек, в отличие от растительного, насекомого, животного мира, является разумным существом, наделенным мышлением, волей, характером. И, как писал А. Н. Чанышев, действительно, особенность мифологического мышления прежде всего заключается в проявлении метода аналогии, подобия [Чанышев 1970: 47], посредством которого картина мира изображается через образные системы, ассоциирующиеся с понятиями животного и растительного мира, а далее постепенно выводится главное отличие человеческого существа — умение мыслить.

В. Н. Топорову принадлежит мысль, что умение находить сходства и подобия предметов, явлений, признаков и т. п. за пределами общества людей посредством сравнения с приматами, видами животных или насекомых — древнее самого языка. И самое главное — это обстоятельство не только предыдущее, но и исконно предсказывает многие важные черты языка [Топоров 2010: 22].

Эти мифологические понятия, как отблески отражений самовыражений древних людей, расценивались еще Аристотелем как первые шаги к философствованию, связанных с обыкновением манеры выражения своего удивления, Р. Декартом как обусловленные сомнением ростки философских рассуждений [Шахнович 1971: 11], Э. Тэйлором — как широкая философия природы разумного человеческого сообщества, находящегося на низком уровне культуры [Тэйлор 1939: 265–266].

Таким образом, все вышеизложенное позволяет констатировать, что внутреннее развернутое значение слова *сах* выглядит как *санаалаах харамай* ‘мыслящее живое существо’, по-другому — человек.

Далее, косвенным доказательством такой интерпретации служат и записи исследователей Э. К. Пекарского: «сах — в старину: человек» [Пекарский 1959, 3: 2134], и В. Ф. Троцанского: «в старину слово *сах* употреблялось только в смысле человека» [Троцанский 1902: 12].

С позиций констатации семантики концепта *сах* в виде *санаалаах харамай* нель-

зя не отметить соответствие корня *хара* из слова *харамай* древней охотничьей якутской лексике в виде слова-оберега *хара* (букв. ‘черный’), употребляемого вместо слова *человек* [Кулаковский 1946: 96]. Отраднo, что и сегодня, в народе широко бытует выражение *киһи-хара буол* (‘букв. стань человеком-черным’), означающее ‘стань настоящим человеком’, *киһи-хара гын* (‘букв. помоги стать человеком-черным’), ‘помоги стать истинным человеком’.

Семантическая особенность слова *хара* с широким привлечением фольклорных текстов, обнаруживаемого как в древних, так и современных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках, основательно исследована Л. Л. Габышевой [Габышева 2003: 90–103].

В Верхоянском сборнике И. А. Худякова (1890 г.) замечено, что в сказках слова *сах* и *киһи* ‘человек’ тождественны [Худяков 1890: 135].

Отрывок из *олонхо киһилии кэпсээтэ, сахалыысанарда* (‘букв. по-человечески сказывать стал, по-сах вещать начал’ (перевод автора. — М. С.)) является постоянным эпитетом, встречающимся во всех текстах. Приведем пример: *Билиги чыычаах айаба кытар гына түһэр, тыла чорох гына түһэр — киһилии кэпсиир, сахалыы санарар* [Тимофеев-Теплоухов 2014: 19] ‘У птички вдруг клювик заалел, высунулся язык, человеческим голосом она молвит, по-якутски говорит’ [Тимофеев-Теплоухов 2014: 296].

В связи с последней фразой «по-якутски говорит», отражающей язык этноса, необходимо подчеркнуть качественное отличие *сах* в значении *этнос* и *сах* в значении *человек*. И здесь мы вплотную подходим к весьма спорным вопросам происхождения самоназвания *сах*, а отсюда — и этногенеза народа *сах*. При этом мы солидарны с высказыванием А. Я. Якубовского о том, что хотя история имени народа взаимно связана с историей его образования, нельзя ставить в параллель такие понятия, как этническая история народа и история этнонима [Якубовский 1941: 18–19].

Следует заметить, что на сегодня в научном обороте существует множество подходов в интерпретации происхождения самоназвания *сах*. Начиная с XVIII в., с первых европейских исследователей были сделаны попытки объяснения этимологии этнонима *сах*. Цель нашего исследования не включа-

ет анализ всех вариантов этногенетического аспекта самоназвания *сах*, мы лишь обобщим: из данных исторических источников разных эпох о существовавших названиях племен, родов, народов — японские племена *сахэги*, китайский род *сайхачжэ*, племена Амура *сахарча*, *сахальянь*, маньчжурские роды *сахальянь-аймань*, *сахалча*, древние *саки*, индийский народ *сахария*, узбекский род *саханкул*, афганский род *шакайды*, казахский *шага*, киргизский *сака*, алтайский *сагат*, хакасский *сагай*, теленгито-чуйский *сакал*, туркменские племена *сакавы*, *сакар*, *сака*, тибетские *соки*, уйгурский род *сохалир*, венгерские *секелер*, племя *сагайцев*, качинский род *соххы*, *сахалары*, кумандинский род *соки*, тюркское племя *сакитов*, керейтское племя *сахает*, калмыцкий род *соха-сохад* — все эти этнические самоназвания, где прослеживается наличие близких вариантов корней *сах/сайх/сак/шак/саг/сок/сох*, возможно, являются производными от глубинной основы слова *сах* в значении человек. Заметим, что многочисленные схождения с корнем *сах* отмечаются и в топонимике.

С этих позиций крайне любопытно суждение исследователя А. М. Малолетко, на основе обобщения археологических, палеоантропологических, топонимических, лингвистических, этногенетических, палеогеографических материалов выдвигающего версию участия некоего таинственного народа *сах* (*харасаһыл*), без сомнений — примеси дотюркских племен, в образовании нынешнего якутского народа [Малолетко 2012: 68].

В унисон предположение «Ураангхай-сахалар» Г. В. Ксенофонтова в вероятности следующей исторической гипотезы — своеобразный язык и духовная культура якутского народа, возможно, свидетельствуют о народе как об остатке какого-то большого древнетюркского мира, распавшегося в глубокой древности и оставшегося незарегистрированным писаной историей [Ксенофонтов 1992: 148].

Заслуживает глубинной исследовательской поддержки версия востоковеда второй половины XIX в. Н. А. Аристова, оставшаяся в свое время без должного внимания. Ученый замечает, что тюрки, численностью примерно в двадцать шесть миллионов человек, заселяющие огромное пространство с берегов Охотского моря и Ледовитого океана до берегов Адриатического моря, — все говорят на одном языке, разница лишь

в диалектах, делящихся на наречия, в силу которого якут или тюрк-осман без усилий в состоянии понимать среднеазиатского турка [Аристов 1896: 330]. Он выдвинул гипотезу о некогда существовавшей, еще в период развития неолита, общности *сака*, занимавшей территорию Тянь-Шаня [Аристов 1896: 329–335].

Версии о возможном сохранении этого этнонима в названиях многих тюркских народов были высказаны рядом ученых: [Strahlenberg 1730; Ксенофонтов 1992; Еремеев 1980; Гоголев 1993; и др.].

Особняком стоят древние предания, записанные С. Боло в 1934 г. от уроженца Усть-Алданского улуса А. А. Пестрякова: *Омобой Баай, Элэй Боотур кэлиэхтэрин иннигэр Өлүөнэбэ «сах» диэн ааттаах, синньигэс төбөлөөх, буллу батыһан: кыыллаан, үөннээн (араас куһаҕан үөнү) аһаан олорооччу элбэх аймах дьон бааллара үһү* [Боло 1994: 22] ‘На Лене, задолго до того, как прибыли Омогой бай и Элэй Боотур, проживал аборигенный, многочисленный по составу народ саха, с отличительной чертой облика — с вытянутой длинной формой головы, питались они животными и видами разных насекомых’ (перевод автора. — М. С.); от уроженца Чурапчинского района П. С. Слепцова: *Омобой Баай иннигэр дөксө сахалар диэн хантан төрүттээхтэрэ биллибэт аймах олоотто үһү диэн эмиз баар...* [Боло 1994: 34], *балар былааһа кэриэтэ олорон баран, суох буолтар* [Боло 1994: 264] ‘До прихода Омогой Бая жили племена сахалар, не известные откуда родом, в дальнейшем живя вместе, они ассимилировались среди предков якутов’ (перевод автора. — М. С.).

В ракурсе исследований наших современников интересны выводы востоковеда А. А. Николаева, основывающиеся на новейших данных ряда гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. По его мнению, на сегодня доказательств со следами предков нынешних *сах* предостаточно, они имеются в различных частях Северного Китая, Средней Азии, Ближнего Востока, Индии, Америки, России, Европы, на основе этого заключает, что эта древняя общность стояла у истоков ведущих исторических цивилизаций, таких как Евразия и Америка [Николаев 2015: 104].

На наш взгляд, исходящий из этих данных тезис о наличии некоего *сах* в далекое

дотюркское время дает основание полагать, что, возможно, в происхождении многих этнонимов центральным связующим звеном выступает общий реликтовый ствол, культурно-исторический контекст которого высвечивается компактно заархивированным в семантической структуре концепта *сах* в значении *санаалаах харамай*, т. е. человек. Мы полагаем, что эта структура выступает родословной этнонима народа саха. Этноса, в силу известных причин сохранившегося в языке, элементах своей материальной и духовной культуры рассыпанные крупы архаичных представлений той седой древности.

Возвращаясь к теме нашего исследования, вспомним (как уже упоминалось выше): в исследуемой эпической формуле в словосочетании *үс саха, түөрт саха* 'три якута, четыре якута' видное место занимают эпические числительные *үс* 'три' и *түөрт* 'четыре', наделенные сакральной символикой.

Внутреннюю, качественную суть натурального ряда чисел мудрецы древности представляли в виде определенных ступеней постепенного развертывания состояния мира. По замечаниям Е. П. Блаватской, мир имеет символический язык с числовыми ключами, числа в каждом архаическом тексте используются для выражения мысли, в частности, числа 3 и 4 отражают всемирные символы мужского и женского начала в качестве первого аспекта раскрывающегося Божества [Блаватская 2017: 396–400].

В таком аспекте пифагорейская теория чисел наиболее развернуто описана в статье автора [Сатанар, Илларионов 2018: 475].

Обобщенный обзор популярности соотношения семантики чисел с характерными особенностями организации мира приводится в статье Г. С. Вртанесян [Вртанесян 2018: 20–41].

Среди якутских исследователей у Л. Л. Габышевой находим, что вообще якутским материалам фольклора присуща трактовка оппозиции три–четыре в качестве указания на мужское и женское начала [Габышева 1988: 82].

Пифагорейцы данную бинарную оппозицию в виде чета-нечета относили к началам всего сущего. Само свойство или операция деления, что любое нечетное число никогда не делится на две равные части ($3=2+1$), а любое четное число всегда делится на две четные ($4=2+2$) либо нечетные

части ($4=3+1$), предопределило соотношение нечетных чисел к определенному мужскому началу, четных чисел — к неопределенному женскому началу, причем величина постоянная (мужская) всегда имела приоритет перед величиной меняющейся (женской). Вопрос соотношения чисел 3 и 4 Е. П. Блаватская рассматривала как соотношение Духа и Материи, где духовная мужская линия всегда вертикальна, а материальная женская линия всегда горизонтальна [Блаватская 2010: 67]. Отсюда и понятно, когда речь идет о главных параметрах макрокосма, почему через призму мировосприятия предков в количественно-пространственных представлениях вертикальное членение реализуется через число 3, а горизонтальное — через число 4, в виде системы бинарных оппозиций, описывающих мир. Примечательно при этом то, что вертикальное описание пространства сопровождается образом почтенного старца *Урун Аар Тойон*, горизонтальное же — образом властительницы и покровительницы Средней Земли *Аан Алахчын Хотун* [Потапов 1972: 50].

Аналогично суждение о небе как о выражении мужского начала, о земле — как об олицетворении женского начала в мифах и других народностях [ЭМНМ 1980: 466], перекликающееся с якутской версией антропоморфной маркировки неба в образе лошади (небо) и земли в виде коровы (земля), отражающей дуалистическое деление на высшее начало и низшее начало [Потапов 1972: 116].

Числа 3 и 4 указывают на соотношение трехчленной вертикальной и четырехчленной горизонтальной структур, и их соединение есть устойчивость и стабильность мира, с одной стороны, динамичность и эволюцию мира — с другой.

Основательно суждение о связи чисел с мужским и женским началом в фольклорных текстах Л. Л. Габышевой, где автор привлекает множество примеров различных вариантов обыгрываний этой связи (в шаманских мистериях, ритуальных действиях, постоянных формульных эпитетах *олонхо*) [Габышева 1988: 34–57].

Таким образом, обобщим изложенное. Природа устного народного творчества своеобразна, и информационно-семантический подход значительно расширяет границы понимания глубинных основ языка. В условиях синкретического мирозерцания язык, являясь инструментом

ментального упорядочения человеческого опыта, выступает как универсальный код. Потому и слово в мифологическом тексте, и эпическая формула предстают в качестве богатого источника для воссоздания доисторических форм культуры. Исследуемая в данной работе эпическая формула является устойчивым и универсальным элементом мифологической канвы не только *олонхо*, но и различных форм фольклора. Устная память формулы хранит и транслирует «архивированное» важное сведение о природе человеческой натуры. Итак, эпическая формула со «свернутой» информацией *үс саха үөскүү илигинэ, түүрт саха төрүү илигинэ* ‘когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились’ в развернутом виде репрезентируется с качественно другой стороны, как то далекое мифологическое время, «когда человек-мужчина и человек-женщина еще не родились», аналогичной интерпретации

«когда человечество еще не родилось», где скрытый в слове *саха* потенциальный смысл, восходящий к особенностям мифологического пра-логического (в терминах Л. Леви-Брюля) сознания, означает «мыслящее живое существо», по-другому — «человек». Такое позиционирование выразительного содержания метаязыка формулы отсылает к идее переоценки мифологических представлений, бытующих в недрах *олонхо*, а отсюда и возможного определения его возраста. Ведущие фольклористы признают эпос присущим всем народам, а сказительство — феноменом всего человечества. В *олонхо*, в отличие от других эпосов, народ *саха* в силу известных причин сумел сохранить реликтовые знания, транслируемые с древних эпох. С тех времен, когда именем *саха* был наделен не один этнос, а все человечество. И этот тезис может служить отправной точкой в исследованиях различных направлений.

Литература

- Аристов 1896 — *Аристов Н. А.* Заметки по этническому составу тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 329–335.
- Бётлингк 1990 — *Бётлингк О. Н.* О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Блаватская 2010 — *Блаватская Е. П.* Тайная доктрина. Том I. Часть 1. Станца III. М.: Эксмо, 2010. 880 с.
- Блаватская 2017 — *Блаватская Е. П.* Тайная доктрина. Том I. Часть 2. Отдел II. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 880 с.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории искусства. М.: Искусство, 1971. 511 с.
- Бравина 2005 — *Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса. Новосибирск: Наука, 2005. 305 с.
- Боло 1994 — *Боло С. И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 352 с.
- Вртанесян 2018 — *Вртанесян Г. С.* Календарно-числовые особенности эпических текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия «Эпосоведение». 2018. № 3 (11). С. 20–41.
- Габышева 1988 — *Габышева Л. Л.* Функции числительных в мифопоэтических текстах // Язык — миф — культура народов Сибири: Межвузовский сб. Вып. 1. Якутск: изд-во ЯГУ, 1988. С. 34–57.
- Габышева 2003 — *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2003. 493 с.
- Габышева 2009 — *Габышева Л. Л.* Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Гоголев 1993 — *Гоголев А. И.* Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
- Гоголев 2002 — *Гоголев А. И.* Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: изд-во ЯГУ, 2002. 104 с.
- Еремеев 1980 — *Еремеев Д. Ю.* «Тюрк» — этноним иранского происхождения? К проблеме этногенеза древних тюрков // Советская этнография. 1980. № 3. С. 129–135.
- Зуев 1970 — *Зуев Ю. А.* Киргизы-буруты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимобразования) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 72–86.
- Иванов 1998 — *Иванов М. С.* Три... Семь... Девять... Якутск: Бичик, 1998. 192 с.
- Иванов 1978 — *Иванов В. В.* Чет и нечет: ассиметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. Радио, 1978. 184 с.
- Иванов 1998 — *Иванов В. В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Знаковые системы. Кино. Поэтика. Том I. М.: Языки русской культуры, 1998. 912 с.
- Избекова 2014 — *Избекова Е. И.* Числительные в олонхо: структура и семантика. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 152 с.

- Колодезников 1991 — *Колодезников С. К.* Категории традиционной культуры якутов: пространство, время, движение // *Духовная культура жизни этноса: сб. научных статей.* Якутск, 1991. С. 5–27.
- Кулаковский 1946 — *Кулаковский А. Е.* Статьи и материалы по якутскому языку / сост. Н. С. Григорьев. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1946. 152 с.
- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Книжн. изд-во, 1979. 484 с.
- Ксенофонтов 1992а — *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай — сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 416 с.
- Ксенофонтов 1992б — *Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм: избранные труды. Якутск: Север-юг, 1992. 320 с.
- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- Малолетко 2012 — *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 6. Томск: Томский ун-т, 2012. 336 с.
- Мелетинский 1976 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). М.: Наука, 1976. 407 с.
- Николаев 2015 — *Николаев А. А.* Тайная история саха. Якутск: Бичик, 2015. 112 с.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Том II–III. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.
- Попова 1998 — *Попова А. С.* Логико-гносеологический анализ космологического содержания олонхо: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Якутск, 1996. 14 с.
- Поппе 1926 — *Поппе Н. Н.* Учебная грамматика якутского языка. М.: Центриздат, 1926. 120 с.
- Потапов 1972 — *Потапов И. А.* Якутская народная резьба по дереву. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1972. 143 с.
- Потебня 1930 — *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности: Басня, поговорка. Харьков: Гос. изд. Украины, 1930. 130 с.
- Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
- Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Вариативность в фольклоре как творческий процесс // *Историко-этнографические исследования по фольклору: сб. памяти С. А. Токарева.* М.: Вост. лит., 1994. С. 180–197.
- Сатанар, Илларионов 2017 — *Сатанар М. Т., Илларионов В. В.* Сакральная символика эпического числительного *түөрт* “четыре” // *Мир науки, культуры, образования.* 2017. № 2 (63). С. 334–337.
- Сатанар, Илларионов 2018 — *Сатанар М. Т., Илларионов В. В.* Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) // *Российский гуманитарный журнал.* 2018. Т. 7. № 6. С. 471–481.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Сидоров 2004 — *Сидоров Е. С.* Очерки по олонхо. Монография. Якутск: Изд-во Якутск. ун-та, 2004. 132 с.
- Слепцов 1990 — *Слепцов П. А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, 1990. 277 с.
- Софронов 2005 — *Софронов А. И. (Алампа).* Стихи, поэмы, рассказы, очерк, статьи / составитель В. Г. Семенова. Якутск: Бичик, 2005. 448 с.
- Тимофеев-Теплоухов 2014 — *Тимофеев-Теплоухов И. Г.* Строптивный Кулун Куллустуур. Олонхо. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2014. 607 с.
- Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаических текстах // *Структура текста.* М.: Наука, 1980. С. 3–58.
- Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* Древнегреческие sem- и др. (Знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) // *Балканские древности. Балканские чтения - 1: мат-лы по итогам симпозиума (март 1990 г.).* М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 3–19.
- Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
- Троцанский 1902 — *Троцанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-лит. Императорск. Университета, 1902. 204 с.
- ТСЯЯ 2011 — Большой толковый словарь якутского языка. В 15 томах. Том VIII / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с. (Буква С).
- Тэйлор 1939 — *Тэйлор Э.* Первобытная культура: исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев. М.: Соцэкгиз, 1939. 568 с.
- Уваровский 1992 — *Уваровской А. Я.* Ахтыгылар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1992. 56 с.
- Худяков 1890 — *Худяков И. А.* Верхоянский сборник. Иркутск: изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890.

- Чанышев 1970 — Чанышев А. Н. Эгейская пре-философия. М.: Изд-во Московского университета, 1970. 240 с.
- Цивьян 1975 — Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов волшебной сказки (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 191–213.
- Шахнович 1971 — Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Предыстория философии. Л.: Наука, 1971. 240 с.
- ЭМНМ 1980 — Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. 654 с.
- Якубовский 1941 — Якубовский А. Я. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: УлФАН, 1941. 19 с.
- Boodberg 1936 — Boodberg P. Two notes on the history of the Chinese frontier. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1936. Vol. 1. No. 3–4. Pp. 29–34. (In Eng.)
- Strahlenberg 1730 — Strahlenberg Ph. Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 476p. An Internet resource: https://books.google.ru/books?id=EPMOA AAAQAAJ&printsec=titlepage&source=gs_b_s_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 25 December 2018). (In Germ.)
- References**
- Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and ethnic groups. *Zhivaya starina*. 1896. Is. III–IV. Pp. 329–335. (In Rus.)
- Blavatskaya E. P. *Taynaya doktrina* [The Secret Doctrine] Vol. I. Part I. Stance III. Moscow: Eksmo, 2010. 880 p. (In Rus.)
- Blavatskaya E. P. *Taynaya doktrina* [The Secret Doctrine] Vol. I. Part 2. Stance II. Moscow: Eksmo-Press, 2017. 880 p. (In Rus.)
- Bogatyrev P. G. *Voprosy teorii iskusstva* [Art theory issues]. Moscow: Iskusstvo, 1971. 511 p. (In Rus.)
- Böhtlingk O. N. *O yazyke yakutov* [Revisiting the language of the Yakuts]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 p. (In Rus.)
- Bolo S. I. *Proshloe yakutov do prihoda russkih na Lenu: po predaniyam yakutov byivshego Yakutskogo okruga* [The Yakuts before the arrival of the Russians to the Lena: legends of the Yakuts of the former Yakut District]. Yakutsk: Bichik, 1994. 352 p. (In Yakut)
- Boodberg 1936 — Boodberg P. Two notes on the history of the Chinese frontier. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1936. Vol. 1. No. 3–4. Pp. 29–34. (In Eng.)
- Bravina R. I. *Kontsepsiya zhizni i smerti v kul'ture ehtnosa* [The concept of life and death in ethnic culture]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 305 p. (In Rus.)
- Chanyshev A. N. *Egeyskaya predfilosofiya*. [The Aegean pre-philosophy]. Moscow: Moscow State Univ., 1970. 240 p. (In Rus.)
- Eremeev D. Yu. 'Turk' — an ethnonym of Iranian origin? The ethnogenesis of ancient Turks revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1980. No. 3. Pp. 129–135. (In Rus.)
- Gabysheva L. L. *Fol'klornyj tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk: Nauka, 2009. 143 p. (In Rus.)
- Gabysheva L. L. Functions of numerals in mythopoetic texts. *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri*. Coll. papers. Is. 1. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 1988. Pp. 34–57. (In Rus.)
- Gabysheva L. L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira (na materiale yazyka i kul'tury yakutov)* [The word in the context of a mythopoetic picture of the world (a case study of the Yakut language and culture)]. A ScD thesis abs. Yakutsk, 2003. 493 p. (In Rus.)
- Gogolev A. I. *Yakuty: (problemy ehtnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts: problems of ethnogenesis and culture formation]. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 1993. 200 p. (In Rus.)
- Gogolev A. I. *Istoki mifologii i traditsionnyj kalendar' yakutov* [The Yakuts: origins of mythology and the traditional calendar]. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 2002. 104 p. (In Rus.)
- Zuev Yu. A. The Kirghiz-Buruts: totemism and principles of ethnonym formation revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1970. No. 4. Pp. 72–86. (In Rus.)
- Ivanov M. S. *Tri... Sem'... Devyat'...* [Three ... Seven ... Nine ...]. Yakutsk: Bichik, 1998. 192 p. (In Yakut)
- Ivanov V. V. *Chet i nechet: assimetriya mozga i znakovyh system* [The odd-even: asymmetry of the brain and sign systems]. Moscow: Sov. Radio, 1978. 184 p. (In Rus.)
- Ivanov V. V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Znakovye sistemy. Kino. Poehtika* [Selected works on semiotics and cultural history: sign systems, cinema, poetics]. Vol. 1. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 1998. 912 p. (In Rus.)
- Izbekova E. I. *Chislitel'nye v olonho: struktura i semantika* [Numerals in the *Olonkho*: structure and semantics]. Yakutsk: North-East. Feder. Univ., 2014. 152 p. (In Rus.)

- Kolodeznikov S. K. Categories of the traditional Yakut culture: space, time, movement. *Duhovnaya kul'tura zhizni etnosa*. Coll. papers. Yakutsk, 1991. Pp. 5–27. (In Rus.)
- Kulakovskiy A. E. *Stat'i i materialy po yakutskomu yazyku* [Articles and materials on the Yakut language]. N. S. Grigoriev (comp.). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1946. 152 p. (In Rus.)
- Kulakovskiy A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1979. 484 p. (In Rus.)
- Ksenofontov G. V. *Uraanghay — sahalar. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraangkhai — Sakhalar: essays on the ancient history of the Yakuts]. Vol. 1. Yakutsk: Nat. Publ. House of Sakha (Yakutiya) Republic, 1992. 416 p. (In Rus.)
- Ksenofontov G. V. *Shamanizm: izbrannye trudy* [Shamanism: selected works]. Yakutsk: Sever-Yug, 1992. 320 p. (In Rus.)
- Lotman Yu. M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2000. 704 p. (In Rus.)
- Maloletko A. M. *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannym toponimiki* [The ancient peoples of Siberia: toponymy-prompted ethnic structures]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State Univ., 2012. 336 p. (In Rus.)
- Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of the myth]. Ser. 'Investigating Oriental Folklore and Mythology'. Moscow: Nauka, 1976. 407 p. (In Rus.)
- Mify narodov mira* [Myths of the world]. Encyclopedia in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1980. 654 p. (In Rus.)
- Nikolaev A. A. *Taynaya istoriya saha* [The Secret History of the Sakha]. Yakutsk: Bichik, 2015. 112 p. (In Rus.)
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [A dictionary of the Yakut language]. Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1959. Vol. 2, 2010 cols.; vol. 3, 3858 cols. (In Yakut and Rus.)
- Popova A. S. *Logiko-gnoseologicheskiy analiz kosmologicheskogo sodержaniya olonkho* [The Olonkho: a logical and gnoseological analysis of the cosmological content]. A PhD thesis abs. Yakutsk, 1996. 14 p. (In Rus.)
- Poppe N. N. *Uchebnaya grammatika yakutskogo yazyka* [Practice grammar of the Yakut language]. Moscow: Tsentrizdat, 1926. 120 p. (In Rus.)
- Potapov I. A. *Yakutskaya narodnaya rez'ba po derevu* [Yakut folk wood carving]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1972. 143 p. (In Rus.)
- Potebnaya A. A. *Iz lektsiy po teorii slovesnosti: Basnya, poslovitsa, pogovorka* [Excerpts from lectures on the theory of literature: fable, proverb, adage]. Kharkov: State Publ. House of Ukraine, 1930. 130 p. (In Rus.)
- Potebnaya A. A. *Estetika i poetika*. [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 613 p. (In Rus.)
- Putilov B. N. Variability in folklore as a creative process. *Istoriko-ehntograficheskie issledovaniya po fol'kloru: sb. pamyati S. A. Tokareva*. Moscow: Vost. Lit., 1994. Pp. 180–197. (In Rus.)
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Sacred symbols of an epic numeral 'four'. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2017. № 2 (63). Pp. 334–337. (In Rus.)
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Sakha world model: semantics considered in terms of geometry of forms (based on Yakut folklore material). *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2018. Vol. 7. No. 6. Pp. 471–481. (In Rus.)
- Seroshevskiy V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: an effort of ethnographic research]. Moscow: ROSSPEN, 1993. 736 p. (In Rus.)
- Sidorov E. S. *Ocherki po olonho. Monografiya* [Essays on the Olonkho]. Monograph. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 2004. 132 p. (In Rus.)
- Sleptsov P. A. *Yakutskiy literaturnyy yazyk: formirovanie i razvitie obshchenatsional'nyh norm* [The Yakut literary language: formation and development of common national norms]. Novosibirsk, 1990. 277 p. (In Rus.)
- Sofronov A. I. (Alampa). *Stihi, poehmy, rasskazy, ocherk, stat'i* [Poems, short stories, essay, articles]. V. G. Semenova (comp.). Yakutsk: Bichik, 2005. 448 p. (In Yakut)
- Timofeev-Teploukhov I. G. *Stroptivyy Kulun Kullustuur. Olonho* [The Obstinate Kulun Kullustuur. Olonkho]. Yakutsk: North-East. Feder. Univ., 2014. 607 p. (In Rus.)
- Toporov V. N. Revisiting numerical models in archaic texts. *Struktura teksta*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 3–58. (In Rus.)
- Toporov V. N. The Old Greek *sem-*, etc. (sign space, sign, motivation of sign designation; related notes). *Balkanskiye drevnosti. Balkanskiye chteniya - I*. Symp. reports. Moscow: Inst. for Slavic and Balkan Studies (USSR Acad. of Sc.), 1991. Pp. 3–19. (In Rus.)
- Toporov V. N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [The World Tree: universal sign complexes]. Vol. 2. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevney Rusi, 2010. 496 p. (In Rus.)

- Troshchansky V. F. *Evolyutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1902. 204 p. (In Rus.)
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (ed.). In 15 vols. Vol. VIII. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (Letter 'C').
- Taylor E. *Pervobytnaya kul'tura: issledovaniya razvitiya mifologii, filosofii, religii, yazyka, iskusstva i obychaev* [Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom]. Moscow: Sotsekgiz, 1939. 568 p. (In Rus.)
- Uvarovsky A. Ya. *Ahtylar* [Memories]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1992. 56 p. (In Yakut)
- Khudyakov I. A. *Verhoyanskiy sbornik* [The Verkhoyansk collection]. Irkutsk: I. M. Sibiryakov, 1890. (In Rus.)
- Tsivyan T. V. The magic fairy tale: semantics of spatial elements revisited (a case study of the Albanian fairy tale). *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Coll. papers. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 191–213. (In Rus.)
- Shahnovich M. I. *Pervobytnaya mifologiya i filosofiya. Predystoriya filosofii*. [Primitive mythology and philosophy: prehistory of philosophy]. Leningrad: Nauka, 1971. 240 p. (In Rus.)
- Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph.* Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 476p. An Internet resource: https://books.google.ru/books?id=EPMOA AAAQAAJ&printsec=titlepage&source=gb_s_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 25 December 2018). (In Germ.)
- Vrtanesyan G. S. Calendar-numerical characteristics of epic texts. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*. Ser. 'Epic Studies'. 2018. No. 3 (11). Pp. 20–41. (In Rus.)
- Yakubovski A. Ya. *K voprosu ob ehtnogeneze uzbekskogo naroda* [Ethnogenesis of the Uzbek people revisited]. Tashkent: UIFAN, 1941. 19 p. (In Rus.)

